

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ НА ПУТИ В ЕДИНУЮ ЕВРОПУ: ОТ ЧЕРЧИЛЛЯ ДО БЛЭРА

Работа представлена кафедрой международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

В статье рассмотрены исторические этапы и наиболее актуальные проблемы интеграции Великобритании в европейские структуры с конца 1940-х гг. и до прихода «новых» лейбористов. По мнению автора, Великобритания представляет собой уникальный пример сочетания национальных и коммуитарных интересов в контексте современного политического и глобального развития.

Ключевые слова: «Новая» Лейбористская партия, Тони Блэр, глобальная конкуренция, национальный интерес, конфликт интересов, интеграция, Европейский союз.

A. Valuyev

GREAT BRITAIN ON THE WAY TO A UNIFIED EUROPE: FROM CHURCHILL TO BLAIR

The article is dedicated to the analysis of historical periods and the most topical issues on Britain's integration into the European structures since the late 1940s and up to the "New" Labour victory. To the author's opinion, the United Kingdom is a unique example of effective combination of national and subnational interests in the context of the modern global political development.

Key words: "New" Labour Party, Tony Blair, global international competition, national interest, interest conflict, integration, European Union.

1 января 2007 г. с присоединением Болгарии и Румынии официально завершилась очередная волна Расширения Европейского союза на Восток. Теперь Европейский союз объединяет и координирует интересы двадцати семи государств Западной, Восточной

и Центральной Европы, Балтии и Средиземноморья. Неотъемлемым правом и главной обязанностью каждого полноправного члена является максимально активное, конструктивное участие в определении и реализации целей, задач и приоритетов в сфере внутрен-

ней и внешней политики Союза. Иными словами, отдельное национальное государство как в теории, так и на практике в зависимости от ряда объективных и субъективных факторов имеет возможность влиять на ход и результат коллегиального процесса принятия решений.

Очевидно, вопросы о степени заинтересованности, ответственности и характере влияния отдельных государств-членов в процессе принятия политических решений имеют принципиальное, стратегическое значение для настоящего и будущего Европейского союза.

В данном контексте, принимая во внимание объективные реалии и вызовы современности, проблема научного исследования исторического опыта интеграции ведущих игроков Европейского союза представляется нам крайне актуальной.

Добавим, что исследования в этом направлении будут особенно востребованы в том случае, если речь идет о рассмотрении наиболее интересных примеров достигнутого компромисса между национальными и коммуитарными интересами.

По нашему убеждению, исторический опыт *осторожной* интеграции Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в структуры Европейского экономического сообщества и Европейского союза – наилучшее подтверждение авторского тезиса о том, что принятая и широко распространенная в научных кругах классификация государств на убежденных «евроскептиков» или, напротив, «евроэнтузиастов» – все же весьма поверхностна и условна, поэтому лишь в редких случаях способна объективно полно отображать сложную и многогранную палитру действительности. Так, по давней традиции Великобритании продолжают воспринимать как главный оплот ортодоксального «евроскептицизма» – за прагматизм, стремление к сохранению национальной идентичности, последовательную и аргументированную критику в адрес идей и инициатив форсированного, искусственного развития интеграционных процессов и грядущей «федерализации» Европейского союза. При

этом сам по себе термин «евроскептицизм» применительно к британским реалиям зачастую приобретает подчеркнуто негативный оттенок.

Положительно, подобное поверхностное восприятие в принципе исключает возможность приблизиться к пониманию глубинной природы проблемы *конфликта интересов*, которая продолжает оказывать решающее воздействие на развитие и формат диалога между Великобританией и Европейским союзом как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе.

По традиции, принято считать, что «островная» Великобритания в силу уникального геополитического положения всегда позиционировала себя как часть Европы, но при этом рассматривала европейские дела как нечто отдаленное, второстепенное. С этим трудно спорить. Впрочем, такой подход представляется нам вполне рациональным, не лишенным здравого смысла и, более того, *единственно возможным*. Очевидно, что островное государство, чья связь с историей и культурой Европы, на наш взгляд, несомненна, изначально не должно было ставить аморфные интересы Единой Европы на первый план. Иными словами, в том, что в Великобритании всегда уделяют приоритетное значение внутреннему, национальному развитию нет и не может быть ничего предосудительного. Напротив, классический пример и опыт Великобритании как эталона национальной политической культуры и прагматизма вызывает огромный интерес, достоин всестороннего рассмотрения и даже подражания. «Быть частью Европы и оставаться самим собой» – именно так можно сформулировать стратегическую цель британской внешней политики на протяжении второй половины сороковых – середины девяностых годов двадцатого столетия.

Судьба межкультурного диалога между Великобританией и Европой в минувшем столетии складывалась весьма непросто. Собственно, о начале диалога как такового уже не с Европой в абстрактном понимании, а с новым типом интеграционного объединения можно говорить только в конце сороко-

вых – начале пятидесятих годов. И, строго говоря, это был скорее не диалог, а первые осторожные попытки наладить необходимые стратегические контакты с теми партнерами, которые в этот период определяли контуры европейской интеграции, в первую очередь с Францией и Германией [6; 8].

Можно предположить, что поворотным пунктом в сложной истории *двусторонних* отношений стала Вторая мировая война. Именно она, по всей видимости, и сделала позицию Британии в отношении Европы более дружественной и лояльной. Британцы постепенно утвердились во мнении, что даже естественная удаленность от континента не является надежной гарантией национальной безопасности. Опыт самой кровопролитной из войн за всю историю человечества показал, что это очевидное, казалось бы, преимущество, позволяющее создать иллюзию нейтралитета, в мгновение ока способно превратиться в «надежную» ловушку. Британия гордилась уникальным географическим положением, но только до тех пор, пока вдруг не оказалась в полной «морской блокаде», которая была осуществлена авиацией и мощнейшим военно-морским флотом гитлеровской Германии. И «морская блокада», и воздушная «битва за Лондон» заставили ведущих британских политиков признать очевидное – в случае начала широкомасштабных военных действий на континенте шансы Британии сохранить нейтралитет и любой ценой избежать потерь минимальны. В результате Великобритания действительно стала ближе к Европе. И хотя в первые послевоенные годы источник евроскептических настроений отнюдь не иссяк, он так и не смог оказать решающего воздействия на выбор Британии в пользу Европы и интеграции. Однако уже тогда британская политическая элита полностью отдавала себе отчет в том, что путь страны в «новую» Европу окажется долгим и трудным [15].

В опубликованном германским Институтом европейской политики официальном Справочнике по европейской интеграции точкой отсчета в истории Европейского экономического сообщества и Европейского

союза является 9 сентября 1946 г. – точная дата исторического выступления сэра Уинстона Черчилля в Цюрихе, в ходе которого британский экс-премьер-министр выступил в роли убежденного сторонника идеи создания Соединенных Штатов Европы [1, с. 512].

Три года спустя, 5 мая 1949 г. в Лондоне по решению Гаагского Конгресса был учрежден Европейский совет со штаб-квартирой в Страсбурге. Среди других наиболее примечательных «роевропейских» инициатив этого периода, которые имели непосредственное отношение к Великобритании, отметим передовые идеи Министра иностранных дел от Лейбористской партии *Эрнеста Бевина* о создании новых общеевропейских структур – Западно-европейского союза и Североатлантического альянса [3, с. 522].

В середине 1950-х гг. у Великобритании был шанс заручиться поддержкой Франции и начать сближение с Европой. Отношения между двумя государствами развивались весьма интенсивно. Недавно стало известно, что 10 сентября 1956 г. Ги Молле в ходе личной беседы предлагал Энтони Идену создать *союзное государство*, а 28 сентября – хотя бы принять Францию в Британское Содружество, пытаясь тем самым заручиться поддержкой на Ближнем Востоке. Впрочем, Э. Иден никак не отреагировал на эти немногие курьезные инициативы [2, с. 9].

Вскоре разразился Суэцкий кризис, Великобритания и Франция оказались по разные стороны баррикад. По этому поводу К. К. Худoley писал: «В течение почти полувека... Великобритания и Франция координировали свою международную деятельность. Теперь же их пути разошлись. В Лондоне возобладало мнение, что у Великобритании нет ресурсов для проведения своей самостоятельной “большой игры” и необходимо держаться как можно ближе к центру, где принимаются решения, то есть к США, и по возможности влиять на этот процесс... Париж избрал другую линию. Через несколько дней после окончания Суэцкого кризиса канцлер ФРГ Конрад Аденауэр сказал... Ги Молле, что ни одна из европейских стран в будущем не сможет стать противовесом США, и отве-

том может быть только объединенная Европа» [5, с. 88, 89].

В конце 1950-х гг. в истории двусторонних отношений наступает неопределенность, которая, весьма вероятно, была вызвана возрастающей ролью Франции и *наднациональным* характером начавшейся дискуссии о будущем Единой Европы. Великобритания с интересом и некоторым опасением наблюдает за быстрым и уверенным стартом европейской интеграции. Появление Планов Р. Шумана и Р. Плевена, подписание Парижского и Римских Договоров, формирование первых европейских стратегических институтов – Европейского объединения (или сообщества) угля и стали, Европейского экономического сообщества и Евратома – все эти и другие важнейшие вехи интеграции Британия встретила лишь в качестве постороннего наблюдателя [14].

Складывается впечатление, что со временем прежний энтузиазм Великобритании внести свой вклад в единство континента несколько ослаб. Мы можем лишь предполагать, какие именно факторы повлияли на ход развития событий. Но очевидно одно – на протяжении 1950-х гг. страна так и не смогла встать у истоков европейской интеграции, и практически была *исключена* из единого пространства формирующейся Европы.

Эта «оторванность» от общего контекста на практике отразилась в учреждении в 1959–1960-х гг. в рамках Организации Европейского экономического сотрудничества Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). По сути, это был альтернативный вариант интеграции, в котором приняли участие семь государств, тогда не нашедшие своего места в общей структуре ЕЭС – это были Великобритания, Дания, Австрия, Норвегия, Португалия, Швеция и Швейцария.

В результате в послевоенной Европе сформировалась очередная и весьма интересная «блоковая» конфигурация. Однако ЕАСТ не оправдала надежд Великобритании и так и не смогла стать достойным конкурентом стремительно развивающимся европейским экономическим структурам.

31 июля 1961 г. Великобритания, которая стремилась взять реванш за неудачное начало, в официальном порядке подает заявку на членство в ЕЭС. Однако даже этот шаг не смог переломить ситуацию в лучшую сторону, поскольку 14 января 1963 г. переговорный процесс был прекращен по личному настоянию Президента Франции Шарля де Голля, который видел в Великобритании прямую угрозу экономическому и политическому влиянию Пятой Республики в Европе и, соответственно, европейских структурах. На пресс-конференции де Голль так объяснил свою позицию: «Англия является островным государством, морской державой, которая связана через торговлю и рынки, поставки продовольствия с очень разными и нередко далекими странами. Ее экономическая деятельность связана главным образом с промышленным производством и коммерцией и лишь в незначительной мере – с *сельским хозяйством* (выделено. – А. В.) Она имеет <...> четко выраженные и своеобразные обычаи и традиции. Короче говоря, существо, структура и экономика Англии глубоко отличаются от того, что есть в континентальных государствах <...> Совершенно ясно, что единство всех ее членов... не может быть вечным и что, в конце концов, появится колоссальное Атлантическое Сообщество, зависимое от Америки и управляемое ею, которое очень быстро проглотит Европейское Сообщество» [4, с. 396, 397].

Одновременно этот шаг можно было назвать и своеобразной удачной мстостью Франции за одностороннюю позицию Великобритании в Суэцком кризисе, вследствие которого сложившееся за долгие годы стратегическое партнерство двух ведущих сил в послевоенной Европе было кардинальным образом подорвано.

Вторая заявка Великобритании последовала спустя четыре года – 10 мая 1967 г. Повторный старт переговорам был дан позднее – 1–2 декабря 1969 г. И только 22 января 1972 г. процесс завершился подписанием долгожданного Договора о присоединении, который был одобрен Палатой общин 13 июля того же года. Это знаменательное событие

приходится на период правления Консервативной партии, когда на посту премьер-министра находился Эдвард Хит [7].

Первый, самый важный и наиболее ответственный этап в истории становления новых партнерских взаимоотношений Великобритании и Единой Европы был успешно завершен. Как и ожидалось, он оказался весьма непростым. Фактически, чтобы стать полноправным членом ЕЭС, Великобритании потребовалось одиннадцать лет.

С момента присоединения Великобритании к ЕЭС в истории европейской интеграции начинается новый этап. Приблизительно в это же время берет начало и дискуссия об особом статусе Британии в Европе. По всей видимости, первым шагом в этом направлении была весьма неоднозначная реакция британского общества на вопрос о том, стоит ли стране принимать участие в процессах европейской интеграции в интересах не только Великобритании, но и всей Европы. Реакция британцев в этом случае была вполне предсказуема – общество вскоре раскололось на два лагеря – сторонников и противников. Разумеется, Великобритании не удалось создать даже видимости единства по этой проблеме – ибо минимальный перевес в сторону участия в европейских делах в рамках ЕЭС был достигнут с большими усилиями. Такая же реакция наблюдалась и в Парламенте, где политические силы смогли прийти к компромиссу только в результате долгих и ожесточенных дебатов [9; 10].

1970-е гг. стали настоящей проверкой на прочность для Британии и всех европейских структур. Так, уже в 1973 г. Великобритания вместе с Ирландией и Италией отказались принимать участие в «валютной змее». Напомним, это была одна из первых инициатив в области валютного регулирования, основной целью которой было снизить расхождение между курсами национальных валют стран ЕЭС до 2,5%.

Это событие, как нам кажется, имело большое значение для обеих сторон диалога. Сообщество, в целом, было заинтересовано в дальнейшем поступательном развитии экономической интеграции, ключевым элемен-

том которой в тот период и была «валютная змея». А в отношении ответной заинтересованности Великобритании в аналогичном процессе возникли вполне обоснованные сомнения. И все же этот шаг британского правительства нельзя было сразу воспринимать как некий вызов интеграции. В данном случае, речь идет о первом проявлении фундаментальной проблемы «конфликта интересов», окончательное решение которой, очевидно, не найдено и по сей день. Суть конфликта заключается в том, что циклы экономического развития Великобритании и континентальной Европы значительно отличались друг от друга. Виною тому географическое положение, сильные национальные традиции и уникальная, отличная от европейской экономическая модель – свободная, гибкая, и следовательно, более эффективная и менее подверженная влиянию извне.

Поэтому не существует универсального рецепта, который позволил бы в то время перевести британскую модель на европейские рельсы. Это не могли не понимать по обе стороны Ла-Манша. И все-таки, в Европе от Британии тогда потребовали невозможного – за несколько лет обеспечить высокие темпы экономической интеграции. Как следствие, внутри Великобритании возникает спор о необходимости и практической целесообразности именно такого, ускоренного развития событий. И в самом деле, в случае полного принятия британским правительством новых правил игры, разработанных без должного учета национальной специфики, страна вступала на очень рискованный путь, в перспективе способный «опрокинуть» и дезавуировать те очевидные достоинства системы, которые складывались на протяжении столетий. Проанализировав ситуацию и взвесив все «за» и «против», правящая Консервативная партия разрабатывает и принимает негласную финансово-экономическую стратегию, которая впоследствии практически не изменилась. Смысл предельно прост – страна внимательно прислушивается к рекомендациям из Брюсселя, но при этом не стремится сразу же воплотить их на практике, ожидая, как та или иная инициатива повлияет на си-

туацию в других государствах-членах ЕЭС. Такая осторожная, уравновешенная стратегия представляется совершенно оправданной. В частности, именно она позволила Британии быстрее преодолеть и минимизировать последствия энергетических кризисов 1970-х гг., которые в значительной степени дестабилизировали и осложнили социальную и финансово-экономическую обстановку не только в Европе, но и в других странах и регионах мира.

Завершение десятилетия по времени совпало с началом переломного этапа в истории становления и развития сотрудничества между Великобританией и Европой.

В 1979 г. на всеобщих парламентских выборах победу одержали консерваторы. Впервые в истории страны пост премьер-министра заняла женщина – Маргарэт Тэтчер. С этого момента европейское направление внешней политики Великобритании на протяжении восемнадцати лет находилось под воздействием институционального «евроскептицизма». Тэтчер, которую современники заслуженно назвали «железной леди», трижды занимала высший пост в британской политической иерархии, и каждый раз она и Кабинеты министров последовательно ставили вопрос о размере оптимального вклада Британии в укрепление интеграции.

Следует признать, что политика и стиль Тэтчер всегда отличались внутренней стойкостью и предельным прагматизмом. Именно в этом и заключалась основная причина ее скепсиса по отношению к ЕЭС и развитию сотрудничества с ним. Она прекрасно видела, что минусы в данном случае перевешивают плюсы и всегда стремилась *выделить* Британию из Европы, сделать страну более свободной в выборе и принятии решений [5; 12; 13].

Тэтчер и ее правительства объективно критиковали практически все аспекты европейской интеграции и были крайне недовольны ее магистральным направлением – в начале 1980-х гг. было очевидно, что в Европе постепенно закладываются основы для появления модели интеграционного объединения с атрибутами «супергосударства».

В Великобритании этот процесс приняли в штыки. Жесткой критике с заметным успехом и энтузиазмом подвергались абсолютно все аспекты интеграции, которую консерваторы со временем в большинстве случаев стали воспринимать как препятствие и противоречие букве национальных интересов. Особенное негодование М. Тэтчер и ее сторонников вызвала Общая аграрная политика, затраты на содержание которой ежегодно составляли приблизительно более трети от общего бюджета ЕЭС. Консерваторы справедливо требовали пересмотра системы британских выплат на ОАП и в ходе саммита в Фонтенбло в 1984 г. добились своей цели. Система британских выплат в бюджет ЕЭС и сумма дотаций на сельское хозяйство была скорректирована.

В результате этой победы Великобритания с тех пор ежегодно экономит миллиарды фунтов стерлингов, что положительно сказывается на развитии британской экономики, и особенно сферы услуг. В дальнейшем критике подвергались Общая рыболовная политика, пенсионная и валютная системы, перспективы подписания Единого европейского акта и т. д. И так продолжалось вплоть до 1990 г., когда Маргарэт Тэтчер вследствие личной непопулярности, жесткой социальной политики и явных внутривластных раздоров была вынуждена оставить посты премьер-министра и лидера Консервативной партии и передать бразды правления своему коллеге Джону Мэйджору.

В течение семи лет консерваторы пытались «реабилитироваться» и переломить ситуацию с европейской политикой в сторону *углубления* сотрудничества, однако добились очень скромных успехов – при Тэтчер пресловутый «евроскептицизм» пустил слишком глубокие и сильные корни. Пожалуй, единственным, но весьма важным достижением менее радикальной политики консерваторов в сфере интеграции в этот период стало подписание и ратификация в 1992–1993 гг. Маастрихтского договора, в результате которого на мировую арену выходит наследник ЕЭС – Европейский союз.

Однако эта громкая победа дорого обошлась Дж. Мэйджору – индекс популяр-

ности его правительства и Консервативной партии в британском обществе постепенно начал падать. В итоге, к следующим выборам 1997 г. консерваторы пришли «разбитыми» и обессиленными. Интересно, что основной причиной глубокого идейного раскола партии стали непреодолимые разногласия по «европейскому вопросу» [11].

Подводя черту под этим периодом, важно обратить внимание на следующие сюжеты. Политика консерваторов в сфере рационализации диалога по вопросам институционального развития с Европой на протяжении восемнадцати лет может быть названа последовательной. Тэтчер сделала все возможное, чтобы в двустороннем общении позиция и интересы Великобритании всегда стояли на первом месте. По сути, именно Тэтчер придала аморфному диалогу о необходимости интеграции наполненное прагматизмом содержание – в этом заключается ее основная заслуга на европейском направлении внешней политики Великобритании в конце 1970-х – начале 1990-х гг. Мэйджор, напротив, пытался действовать по другому сценарию, сделав выбор в пользу сближения и вернув диалог в структурно-институциональное русло. Заметим, что такой подход был продиктован не только личными амбициями Мэйджора, но и объективными реалиями времени, в первую очередь возрастом потенциала объединенной Германии и Франции в экономическом и политическом отношении и в дискуссии о будущей архитектуре Европейского союза. М. Тэтчер четко сформулировала идею, стратегию и параметры диалога с Ев-

ропой, Дж. Мэйджор предложил подключиться к дискуссии о будущем интеграции и тем самым придал ему более актуальное, *симбиотическое* измерение. Два лидера – и два варианта одной и той же политики. Однако при всех очевидных различиях у Тэтчер и Мэйджора было и нечто общее, что в значительной степени объединяло этих столь противоположных по характеру и стилю управления политических лидеров. Речь идет о том, что оба стремились добиться одной и той же стратегической цели – при планировании и определении приоритетов внешней политики всегда ставить на первое место не абстрактные амбициозные планы, а *реальные* национальные интересы. Иное дело, что Тэтчер и ее преемник в силу различных факторов смотрели на Европу с противоположных точек зрения. Поэтому вряд ли имеет смысл говорить о том, что за восемнадцать лет консерваторам удалось выработать единый, целостный подход к актуальным проблемам европейской интеграции.

В период с 1946 по 1997 г. включительно европейская политика Великобритании проделала долгий и трудный путь. За это время взгляды британской политической элиты и общества относительно сближения с Единой Европой неоднократно и существенно варьировались, но в то же время никогда не изменялись *радикально*.

А в конце правления консерваторов среди британского общества окончательно набрала силу и окрепла идея о том, что будущее страны в любом случае *начинается* в Британии, а *продолжается* в Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайденфельд В., Вессельс В. Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции. Хронология. Рига, 2002.
2. Добряков Д. Правь, Фрабритания // Итоги. 22 января 2007. № 4 (554).
3. НАТО: справочник. Брюссель, 2001.
4. Тэтчер М. Искусство управления государством. М.: Альпина Паблишер, 2003.
5. Худoley К. К. Уроки Суэцкого кризиса: 50 лет спустя // Санкт-Петербургский государственный университет. 2006. № 18 (3741). 26 сентября.
6. George S. Britain and the European Community. The Politics of Semi-Detachment. Oxford, 1992.
7. Lord C. British Entry to the European Community under the Heath Government of 1970–1974. Aldershot, 1993.
8. May A. Britain and Europe since 1945. L., 1999.

ПОЛИТОЛОГИЯ

9. *Paterson W. E., Henson P., Shipley P.* The European Policies of Labour and Conservative Party in Great Britain. Konrad Adenauer Stiftung, Interne Studien № 109/1995.
10. *Sanders D.* Losing an Empire, Finding a Role. British Foreign Policy Since 1945. L., 1990.
11. *Seldon A.* Major. A Political Life. L., 1998.
12. *Thatcher M.* The Downing Street Years. L.: HarperCollins, 1993.
13. *Thatcher M.* The Path to Power. L.: HarperCollins, 1995.
14. *Young H.* This blessed Plot. Britain and Europe from Churchill to Blair. L., 1998.
15. *Urwin D. W.* The Community of Europe. A History of European Integration since 1945. L.; NY: 1999.

REFERENCES

1. *Vaydenfel'd V., Vessel's V.* Yevropa ot A do Ya. Spravochnik yevropeyskoy integratsii. Khronologiya. Riga, 2002.
2. *Dobryakov D.* Prav', Frabritaniya // Itogi. 22 yanvarya 2007. N 4 (554).
3. NATO: spravochnik. Bryussel', 2001.
4. *Tetcher M.* Iskusstvo upravleniya gosudarstvom. M.: Al'pina Pablsher, 2003.
5. *Khudoley K. K.* Uroki Suetskogo krizisa: 50 let spustya // Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenny universitet. 2006. N 18 (3741). 26 sentyabrya.
6. *George S.* Britain and the European Community. The Politics of Semi-Detachment. Oxford, 1992.
7. *Lord C.* British Entry to the European Community under the Heath Government of 1970–1974. Aldershot, 1993.
8. *May A.* Britain and Europe since 1945. L., 1999.
9. *Paterson W. E., Henson P., Shipley P.* The European Policies of Labour and Conservative Party in Great Britain. Konrad Adenauer Stiftung, Interne Studien N 109/1995.
10. *Sanders D.* Losing an Empire, Finding a Role. British Foreign Policy Since 1945. L., 1990.
11. *Seldon A.* Major. A Political Life. L., 1998.
12. *Thatcher M.* The Downing Street Years. L.: HarperCollins, 1993.
13. *Thatcher M.* The Path to Power. L.: HarperCollins, 1995.
14. *Young H.* This blessed Plot. Britain and Europe from Churchill to Blair. L., 1998.
15. *Urwin D. W.* The Community of Europe. A History of European Integration since 1945. L.; NY: 1999.